

Михаил Эльмот

Карлик и Роза

Михаил Эльмот

Карлик и Роза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67814876

SelfPub; 2022

Аннотация

Мрачная сказка для взрослых в духе Вильгельма Гауфа.

Я благодарю Елену Сполохову, Сергея Савушкина, Анна Семёнову, Иру Ра, Андрея Фаина и всех, кто так или иначе помогал мне в работе над этой сказкой.

Михаил Эльмот

Карлик и Роза

Он стоял над осколками разбитого стекла. Из разрезанной руки шла кровь. Он почти не чувствовал боли.

– Ты опять разбил зеркало! – слышался крик. Женский голос, визгливый, противный. Он ненавидел этот голос.

– Где ты, несносный карлик?!

Карлик. Он – карлик. Снова напомнили об этом, а так хотелось забыть. Он посмотрел на свои маленькие слабые руки, сжатые кулачки, кривые короткие ноги. Потом перевёл взгляд на зеркало в золотой раме. В зеркале зияла дыра, от которой расходились по стеклу трещины, и лица он не увидел, но знал, что его лицо уродливо. Он ненавидел своё лицо.

– Долго я буду звать, Ганс?! Тебя ждёт наказание! – надрывался голос. "Заткнись, Агнета, – подумал карлик, – я уже иду".

Он спустился по мраморной лестнице с золотыми перилами, прошёл вдоль стены с висевшими на ней дорогими картинами, мимо дубовой мебели, обитых атласом кресел, бархатных штор, мраморной скульптуры, изображавшей яростного льва в момент прыжка. Наглая кричащая роскошь. Он ненавидел всё это. Он ненавидел весь этот замок.

Спустившись, карлик оказался на кухне – в царстве огня, кастрюль, сковородок, в чаду всевозможных варев. Здесь

правит Агнета. Вот и она сама: пожилая ведьма с перекошенным от злости лицом стоит посреди своих владений с хлыстом в руках. Карлик покорно снял рубашку и повернулся спиной к Агнете...

...Хлыст змеёй извивался в руках ведьмы, оставляя на его голой спине кровавые полосы-укусы. Он вздрагивал от ударов. "Хоть бы раз забила до смерти, – думал карлик, – одного раза вполне достаточно". Он хотел смерти уже давно, вечность, но всякий раз, когда он собирался убить себя, ему не хватало духу. Ему не хватало духу ни на что, кроме как быть безропотным рабом, и за это Ганс презирал себя. "Бей сильней, Агнета, – думал карлик, – я хочу этой боли". Агнета старалась. Наконец, она устала, отпустила Ганса, и он смог, шатаясь, уйти.

Он не помнил, как всё началось, он не помнил, кем был, он помнил только тёмную вечность замка – вечность без начала и конца, и себя в этой вечности – карлика, уродца; и ещё тоску и боль.

Тоска въедалась в душу, и Ганс бродил по бесконечным комнатам, коридорам и лестницам замка, стараясь не заглядывать в зеркала, но иногда всё равно останавливался перед одним из них. Он долго смотрел на отражение, а потом терял контроль над собой и отчаянно бил зеркало (не зеркало – отражение), и тоску сменяла боль, а боль сменяла тоска, и крутилось тёмное колесо, и никогда не останавливалось. Карлик думал, что колесо это никогда не прекратит свой бег,

от этого тоска становилась всё больше и нестерпимее.

А ещё карлик помнил страх. Страх приходил в виде высокого человека в черном, со злым лицом, некрасивым, но притягивающим. Он обладал тёмной силой, и цветы вяли, когда оказывались рядом с ним, а люди при его появлении замолкали и улыбки сходили с их лиц. Барон Отто фон Шварцкопф – хозяин замка и хозяин карлика Ганса.

Барон приехал вечером того же дня. Обычно он появлялся в замке только накануне полнолуния, а потом уезжал вновь. Карлику хватало этих нескольких дней, чтобы увидеть ад.

Прямо перед замком возвышалась стена густого леса. Ганс ждал барона у ворот, вглядываясь в темноту. Хозяин выехал на своем любимце – черном как смоль коне с горящими глазами и жутким оскалом зубов. Карлик с трудом отвел коня в стойло, а того, кто был связан и перекинут через седло – в подвал.

Ганс прислуживал барону за ужином, стараясь не смотреть в глаза. Карлик ждал, когда хозяин начнет шутить. Это было обычное занятие барона за столом.

– Ну, как ты тут, Ганс, без меня? Скучал? – улыбаясь, спросил барон. Карлик молчал.

– Поддай-ка мне, Ганс, вон ту саблю, – приказал Шварцкопф. Карлик посмотрел на саблю, висевшую на высоте двух его ростов.

– Мне не достать её, хозяин.

– Мой глупый Ганс, – сказал барон, – видишь тот сундук в углу? Возьми его и достань саблю. Карлик попытался поднять сундук.

– Он слишком тяжелый для меня, хозяин.

– Но ты же у меня сильный, Ганс, – язвительно улыбаясь, отвечал фон Шварцкопф. Ганс с трудом взвалил сундук на спину. Свежие раны отозвались криком боли. Шаг, другой, только бы не упасть. Еще шаг, еще и еще. Дошел. Поставив сундук и взобравшись на него, карлик с трудом достал саблю и подал ее барону.

– Молодец, Ганс, – похвалил его тот, – а теперь поставь сундук на место.

– Хорошо, хозяин, – покорно произнес карлик, снова взвалил сундук на спину и пошел. Как же далеко до этого проклятого угла! Как же долго туда идти!

Ноги карлика тряслись. На пределе сил он дошел и поставил свою ношу, тяжело и шумно дыша. Барон вертел в руках саблю.

– Пожалуй, она мне больше не нужна. Повесь ее на место, Ганс.

– Хо... хорошо... хозяин, – отозвался карлик. Он обреченно поднял сундук, шагнул раз, другой и упал. Сундук придавил его.

Барон встал над карликом, довольный, словно кот, наевшийся сметаны.

– Ладно, отдохни, бедняга Ганс, – произнес он, – а когда

отдохнешь, отнеси еду нашему гостю. Ты ведь не забыл, что завтра полнолуние, Ганс?

– Нет, хозяин, – с трудом ответил карлик, будучи не в силах даже пошевелиться.

– Вот и славно, – барон повесил саблю на стену и вернулся к еде.

Вскоре карлик выполз из-под сундука. Ему еще предстояло опять поставить сундук в угол и убрать со стола. Покончив с этим, он понес миску с едой в подвал. Там, в темноте, за решеткой сидел юноша. Карлик просунул ему миску между прутьев.

– Что со мной будет? – спросил пленник. Но карлик отвернулся и молча ушел.

– Что со мной будет? – повторил вопрос юноша, когда следующей ночью Ганс повел его, скованного цепями, через лес. Карлик молчал. "Об этом ты вскоре узнаешь, – думал карлик, – узнаешь и почувствуешь. Это называют страхом, страданием и смертью".

– Кто ты? – настойчиво спрашивал пленник. "Кто я? – думал Ганс, – я похож на тебя. Я раб, пленник, жертва. Но сейчас жертва – ты, а я – твой палач. Ты увидишь ад, а я отведу тебя туда.

Медленно брели они в темноте. Луна поднималась над верхушками деревьев. Мертвую тишину изредка нарушали только одинокий волчий вой или хлопанье крыльев нетопыря, пролетавшего неподалеку. Наконец они остановились на

небольшой поляне.

– Где мы? – спросил юноша, уже не надеясь на ответ. "Алтарь Дракона и ворота в ад – так мы называем это место", – думал карлик, но не говорил ни слова.

Посреди поляны стоял широкий деревянный помост в полтора человеческих роста. Ганс сколачивал его из досок перед каждым полнолунием. По углам помоста он вбивал четыре железных штыря с огромными цепями, на концах которых были такие же штыри. Сейчас цепи свободно свисали, и Ганс должен был приковать ими руки и ноги жертвы.

Карлик прижал пленника к доскам, взял лежавший рядом молот и принялся за работу. Раз! Два! – раздались гулкие удары – карлик забивал штыри. Три! Четыре! Прижатые цепями, руки юноши безвольно повисли. Он посмотрел на Ганса тяжелым, мутным взглядом, полным такой знакомой карлику тоски и боли.

– Отпусти меня, – прошептал юноша.

Рука карлика, сжимавшая молот, задрожала. Он не мог нанести следующий удар. "Что это?" – взволновался Ганс. Столько раз он уже проделывал все это; неужели его сердце не совсем еще зачерствело? Карлик смотрел на человека, которого он привел на смерть. Юноша был красив, у него было прекрасно сложенное тело. И душа его была прекрасна и чиста – Ганс в этом не сомневался, ведь Шварцкопф старался брать именно таких.

Когда-то давно, в самом начале темной вечности (хотя,

как у вечности могло быть начало – карлик сам этого уже не понимал) барон рассказал ему о силе.

– Силу я получаю, принося жертву на Алтарь Дракона каждое полнолуние, ровно в полночь— говорил барон, – Драгоценная сила, дающая власть! Чем чище душа принесенного в жертву, тем больше силы дается мне. Это может быть юноша, лучше девушка, а лучше всего чистая невинная душа ребёнка. Но только не младенца! Когда я вижу дитя, лежащее в люльке, я не могу знать, кем оно станет – праведником или бандитом. Нет, мне нужен ребёнок настолько взрослый, чтоб можно было понять наверняка – его сердце останется чистым несмотря на все соблазны и грязь этого мира. Погубить такую душу для меня – особенное блаженство, и от этого я получаю огромное количество силы! Вот только трудно сейчас найти подобную жертву. Почти у всех людей души с какими-то червоточинами. Либо вовсе грязные. А от грязных мало проку. Вот от твоей, Ганс, вообще бы не было никакого.

– Вы – зверь, – сказал тогда ему карлик и услышал в ответ жуткий, леденящий кровь смех.

– Да, Ганс, – смеясь, говорил барон, – я зверь. А ты, Ганс, ты – мой зверёныш.

Карлик всегда выполнял волю хозяина, всегда – в своей вечности, и сейчас он должен был закончить начатое, но не мог. Забытое уже давно чувство жалости к другому, как иголка, больно кольнуло его в сердце, и этой боли он не хо-

тел. Карлик рассвирепел. Он не может закончить работу?! Так он знает, что надо делать! "Ты так прекрасен, – со злостью подумал карлик, – а я – урод. Я ненавижу твою красоту. Ты имеешь всё, чего нет у меня – и потому ты должен умереть! Вот так!" И он крепко сжал молот. Пять! Шесть. Семь! Восемь! – раздавались яростные удары. Вот и всё, руки и ноги пленника прикованы, теперь осталось только дождаться хозяина.

Карлик положил молот и сел около помоста. Близилась полночь. Луна поднялась уже высоко, в её свете лес был красив мрачной красотой. В глубине леса вдруг показался маленький красный огонёк, рядом с которым Ганс увидел два чёрных силуэта. Они приближались к карлику. Это были фон Шварцкопф и Агнета. Отблески красного огня горели в их глазах. В руках у барона был факел.

– Славно, Ганс, – сказал фон Шварцкопф, подойдя к карлику. Факел осветил поляну.

Показалась нарисованная на земле огромная пентаграмма, по углам которой стояли черные свечи высотой в половину человеческого роста. Помост – жертвенник стоял внутри пентаграммы, между центром и одним из ее углов.

Барон стал поочередно зажигать свечи. Когда над каждой из них появился ровный огонек, барон встал перед пентаграммой, взглянул на луну, на пленника и начал медленно, нараспев, произносить слова на непонятном языке. Агнета и Ганс стояли неподалеку и напряженно ждали. Фон Шварц-

копф продолжал говорить. Резкий порыв ветра всколыхнул пламя свечей. Голос барона стал страстным, слова – жёсткими и отрывистыми. Послышался странный гул. Он шёл из-под земли. Гул становился всё громче и сильнее, налетали сильные порывы ветра. Фон Шварцкопф раскинул руки, запрокинул голову к небу и иступленно кричал одно и то же.

"Сейчас", – подумал карлик, глядя в центр пентаграммы. В земле появилось отверстие, которое быстро расширилось и остановилось, достигнув границ пятиугольника. Гул стал нестерпимо громким, в нём можно было различить звуки, похожие на рычание и вопли. Внезапно из отверстия рванулось нечто – громадный дракон серо-зелёного цвета, хвост которого терялся в бездне. Чудовище вонзило челюсти в тело юноши, сорвало его с плиты и исчезло с ним в бездне. Жертва была принесена.

Барон всё стоял, раскинув руки. Карлик подошёл к краю отверстия и посмотрел в него, но не увидел ничего, кроме грязно-жёлтой лужи с мерцающими то здесь, то там красноватыми вспышками. Отверстие уменьшалось в диаметре, пока не закрылось совсем. На его месте оказалась всё та же нетронутая земля, как будто и не было ничего. Свечи погасли. Пора было возвращаться в замок.

Впервые карлик увидел Матильду в гостиной. Она ужинала с бароном. Матильда была прекрасна – так показалось карлику.

В тот раз барон приехал задолго до дня наступления полнолуния, чем очень удивил Ганса. Карлик не ожидал барона так скоро и не смог встретить его, как обычно, у ворот. Тем более было удивительно, что приехавшая с бароном девушка не была отправлена в подвал, а сидела за одним столом с фон Шварцкопфом, как гостя.

Карлик удивленно смотрел на них – такого ему здесь видеть не приходилось. Фон Шварцкопф светился от счастья. Матильда была очаровательной девушкой в простом красном платье. Она показалась карлику живым и ярким цветком, вдруг выросшим неизвестно как среди мертвенной пустоты и грязи замка (конечно, замок нельзя было назвать ни пустым, ни грязным, но карлик так чувствовал, а не видел его).

– Поприветствуй нашу гостью, Ганс, – сказал барон. Карлик поклонился.

Ганс стал, как всегда прислуживать, а Матильда и фон Шварцкопф продолжили беседу. Карлик почти не слушал их, занятый собственными переживаниями, однако отметил, что Матильда, хотя и выглядит как простая деревенская девушка, но держится с бароном на равных и ведёт себя как настоящая светская дама. Вдруг что-то пискнуло в углу.

– Ганс! – радостно воскликнул фон Шварцкопф, – здесь мыши! Ну-ка, покажи нам, на что ты способен! – эта шутка была у барона одной из любимых. Карлик знал, чего ждет от него хозяин. Он встал на четвереньки и, вытянув дугой

спину, начал ходить вокруг стола. Матильда нахмурилась.

– Что это значит? – спросила она.

– Ну же, мой котик! – с азартом требовал барон. Ганс замыкал. – Так, – воскликнул барон, – давай, Ганс! – Отчаянно мякнув, Ганс прыгнул в угол и тут же вернулся к столу. С мышью в зубах. Матильда бросила вилку.

– Какая гадость! – сказала она. Улыбка сошла с лица барона.

– Я, кажется, увлекся, – сказал он. – Простите меня, Матильда, я не хотел Вас обидеть.

– Вы обидели его, – ответила девушка.

– Ну что Вы, право, – широко улыбнулся барон. – Это всего лишь шутка! Мы часто так шутим. И Ганс несколько не в обиде. Ведь так, Ганс? – Карлик кивнул головой, заодно тряхнув хвостом всё ещё зажатой в зубах мыши. Матильда встала из-за стола.

– Простите, барон, – сказала она. – Я хочу уйти. Вы обещали показать мне мою комнату.

– О, конечно, конечно, – засуетился фон Шварцкопф.

Вместе они вышли из гостиной. Ганс выплюнул мышь. Ему хотелось плакать.

Вскоре у карлика с бароном состоялся разговор.

– Как тебе она, Ганс? – восхищенно спрашивал фон Шварцкопф. – Это редкая душа, поверь мне. Даже тебя пожалела, подумать только! Эта девушка – поистине большая удача для меня. Она стоит того комфорта, с которым будет

жить здесь, до срока, конечно.

– Она – жертва? – спросил карлик.

– Ну естественно, мой недалекий Ганс! Но не просто жертва, а одна из лучших моих жертв! Вот так, Ганс, – барон повернулся и пошел прочь, напевая какой-то марш. Вдруг он обернулся к карлику. – Я устраиваю бал для высшего света. Она там будет. И знаешь, Ганс, – барон усмехнулся, – если хочешь, ты тоже можешь там быть.

Карлик смотрел вслед барону и не понимал, почему эти слова так его задели. Не хотел понимать. Но на бал он пришел.

Бал был великолепен. Огромное количество гостей – пышно разодетых дам и кавалеров, чудесные музыканты... Барон собрал едва ли не всю местную знать. В то же время Ганс кое-где замечал и особо приглашённых. Вот вампир с бледным лицом и кроваво-красными губами выискивает жертву; пожилая ведьма, одетая как королева, кружит голову какому-то юнцу; ослепительный франт пользуется огромным успехом у дам – на досуге он колдун и чернокнижник; а тот мрачного типа немолодой мужчина на самом деле оборотень... Все они ничуть не интересовали Ганса. Он искал глазами Матильду, наконец, нашёл её среди гостей и стал наблюдать. Девушка была одета не хуже самых знатных дам и держалась так, как будто всю жизнь провела среди высшего света: спокойная уверенность, гордая осанка, ни тени смущения. Она непринужденно беседовала с гостями, прекрас-

но танцевала; она была очаровательна и привлекала внимание присутствующих кавалеров и дам. В то же время Матильда чем-то отличалась от них. Она не была частью всего этого, это было очевидно. Кто же она такая?

Вдруг Матильда увидела Ганса. Их взгляды встретились. У карлика почему-то защемило сердце. Он поспешно отвёл глаза. И тут она сама подошла к нему.

– Здравствуй, Ганс.

– Здравствуй, Матильда, – язык карлика окаменел, ноги стали ватными, глаза уставились в пол.

– Можно пригласить тебя на танец? – спросила девушка. Карлик вскинул голову и удивлённо посмотрел на Матильду. Она хочет танцевать с ним? Это невозможно! Какая-то очередная насмешка, злая шутка... Но – пусть! Ганс смущённо кивнул.

Играл вальс, кружились пары, и Матильда с Гансом присоединились к ним. Как всё это оказалось знакомо карлику! Будто и раньше он так танцевал! Когда? Он не помнил, а ноги помнили: раз, два, три... И вдруг он легко, словно пушинку, закружил девушку в вальсе, не танцевал, а летел – стремительно, едва касаясь ногами пола, летел, позабыв обо всём...

– Ты хорошо танцуешь! – заметила Матильда.

– А ты танцуешь прекрасно! – парировал Ганс. Душа его пела. Давно, очень давно он не испытывал подобных чувств...

И тут же вдруг услышал то, чего боялся. Разговоры! Голоса – женские, мужские:

– Посмотрите, она танцует с карликом! Как забавно!

– Разве это забавно? Да как можно танцевать с уродцем?!

– К тому же он здесь слуга, просто шут.

– А кто она, вы не знаете?

– Она довольно мила. Но я её не помню.

– А мне кажется, что я её видела...

– Возможно, она не из наших мест... Дочь какого-нибудь соседнего барона или герцога.

– А я слышал, простая крестьянка.

– Да что вы! Как её зовут?

– Не припоминаю... ах, да, Матильда!

– Матильда? Ха! Так звали мою кошку! – вдруг врезался в хор особенно громкий и наглый мужской голос. Карлик вскипел. Что-то давно забытое, похороненное глубоко на дне души, вдруг рванулось, пробило зачерствленную корку и раскаленной лавой выплеснулось наружу.

– Немедленно извинитесь перед дамой, сударь! – закричал карлик. Тут же он оказался перед обидчиком. Молодой пышно одетый повеса в берете с пером удивлённо и весело глядел на Ганса.

– Да вы никак хотите вызвать меня на дуэль... сударь? – язвительно произнес повеса.

– Да! – карлика трясло, он почти ничего не видел – глаза застилала пелена.

– А шпага у вас есть, сударь? – продолжал нахал. – Или хотя бы зубочистка? Она бы вам как раз подошла.

Стоявшие вокруг них люди смеялись. Парень вытащил шпагу и сделал выпад в сторону Ганса. Карлик едва успел отскочить. "Оп!" – сделал повеса еще один выпад. Смех вокруг становился всё громче. Кто-то из гостей дал пинка Гансу и карлик, потеряв равновесие, растянулся на полу.

– Прекратите! Немедленно прекратите! – кричала Матильда.

Вдруг разом всё стихло, будто повеяло мертвенным холодом: Отто фон Шварцкопф быстро шёл по залу.

– Что ты себе позволяешь, Ганс? – сказал он строгим, но абсолютно спокойным тоном. —Подойди сюда.

Карлик, дрожа, подошёл. Снова наступила тишина. Фон Шварцкопф молча смотрел на Ганса, а тот стоял, сжавшись и опустив голову в ожидании злобного окрика или удара.

– Ступай на кухню, Ганс, помоги Агнете, – наконец приказал ему барон, и, повернув голову к гостям, сказал. – Продолжайте веселиться, господа.

После бала Матильда нашла Ганса сидящим на кровати в своей тесной комнатушке в отдалённом уголке замка. Кроме кровати в комнате были только грубо сколоченные стол и стул. Маленькое окошко выходило в сад, разбитый во дворе замка. Когда Матильда вошла, Ганс повернулся к ней, но сразу отвернулся и снова уставился в пол. Девушка села ря-

дом с карликом.

– Как ты? – спросила она.

– Хорошо, – буркнул карлик.

– Врёшь, – сказала Матильда. Помолчали.

– Зачем ты пришла? – спросил Ганс.

– Поговорить, – улыбнулась девушка.

– Так говори, – сказал карлик.

– Скажи мне, кто ты такой? – спросила Матильда.

– Кто я? Я – карлик, разве ты еще не заметила? – грустно усмехнулся Ганс.

– А кем ты был до того, как попал сюда?

– Никем. Я всегда был здесь. Я всегда был карликом.

– А я уверена, что видела тебя раньше!

– Где же это?

– Во дворце.

– Вот как? И что я там делал? Веселил короля?

– Нет. Ты был другим. Высоким, красивым, сильным...

– Что за бред! – взорвался карлик. – Ты смеёшься надо мной!

– Нет, – покачала головой девушка, – я тебя узнала. Ты был...

– Кто ты такая! – закричал карлик, – Зачем ты пришла сюда! Никем я не был! Ничего я не помню, ничего, ничего!.. – Ганс замолчал и снова опустил голову.

– Значит, ты была во дворце? – вдруг спросил он.

– Я была там фрейлиной, – сказала Матильда.

– Ты из высшего света?

– Я родилась и выросла в деревне. Не удивляйся. Знаешь, у меня интересная судьба. Я была обычной деревенской девочкой, пока в моей жизни не появился один человек – очень богатый, знатный и влиятельный при дворе. Он предложил мне поехать с ним, и я согласилась. Он устроил мою жизнь во дворце. Я оказалась способной и быстро научилась всему: танцевать, говорить как они и многому другому... За кого только не принимали меня тогда: за баронессу, герцогиню, только не за ту, кто я есть на самом деле! Это была прекрасная авантюра, но продолжалась она не долго. Настало время, когда я стала не нужна. Мне пришлось вернуться в свою деревню... Давно это было.

– А потом тебя нашёл Шварцкопф, – сказал Ганс.

Девушка, грустно улыбнувшись, пожала плечами.

– Барон – странный человек, – вдруг сказал карлик, – Тебя здесь не держат, почему ты не уходишь?

– Держат, – ответила Матильда. – Я не могу уйти, я боюсь...

– Чего?

– Не знаю, – Матильда закусила губу. – Понимаешь, он всё равно нашёл бы меня... А почему ты не уходишь? Тебя ведь тоже не держат. Только не говори мне, что тебе здесь хорошо.

– Я – карлик. Мне нет места в мире.

– Как так?

– Так. Я не могу вернуться... таким.

– Ага! Значит есть куда возвращаться. А говорил...

– Некуда мне возвращаться!

– Ну хватит отпираться, – решительно сказала девушка. –

Расскажи мне о себе.

– Ничего я не помню! – взволнованно говорил ей карлик.

Но вспомнил. И рассказал.

Рассказ карлика

Одного не понимаю, Матильда, как ты могла меня узнать? Мне казалось, что ничего уже не осталось от прежнего меня. Да, было время, когда я был таким, как ты сказала: высоким, красивым, сильным. А еще молодым и очень гордым. Веришь, Матильда? Странно. Я и сам в это не верю... Да, я был гордым. Меня звали тогда принц Альберт – не наследный принц, конечно, просто родственник королю. Жил в столице, часто бывал во дворце, там ты меня и могла видеть. Говоришь, ты меня запомнила? А я вот тебя не помню, прости... Но меня можно было запомнить, я был заметной личностью. Известный на всю столицу гуляка, сердцеед и дуэлянт. Особенно дуэлянт. Я ведь тогда страшно гордился своей персоной: знатностью, богатством, красотой, ловкостью... И не терпел ни малейшего намёка на оскорбление, ни малейшей шутки в свой адрес. Я был очень вспыльчив и всюду искал драки, а поскольку фехтовал я блестяще – порядком народу отправилось на тот свет от моей руки! Другие люди мало

значили для меня. Тех, кого считал ниже себя, я презирал, а тем, кто был хоть в чём-то лучше, страшно завидовал и старался превзойти их. Везде и всем доказывал я своё превосходство; и только один друг у меня был, старый, верный друг... И вот однажды зашли мы с ним в одну богатую таверну. На беду там оказался и Шварцкопф. Я знал его и раньше. О бароне ходила дурная слава, многие его побаивались. Но моей глупой гордости было на всё плевать и, когда Шварцкопф, проходя мимо нас, как бы случайно толкнул меня, как обычно в таких случаях, я вспылil.

– Немедленно извинитесь, сударь! – закричал я.

Барон с едва заметной усмешкой взглянул на меня.

– Иначе что? – спросил он.

– Иначе в этом чёрном плаще, который делает вас похожим на стервятника, питающегося падалью, может появиться дырка от моей шпаги! – Это было откровенное оскорбление, и при том довольно глупое. Теперь, казалось, дуэль неизбежна. Я уже прикидывал, не завязать ли драку сейчас, или назначить барону время, как Шварцкопф вдруг оглушительно рассмеялся.

– Да вы тут, наверное, первый дуэлянт! Я вижу, вам доставляет удовольствие приносить людей в жертву. Ну, что ж, сударь, если так, примите мои извинения и позвольте считать нашу ссору на этом законченно, – сказав так, барон, как ни в чём не бывало, сел за столик, заказал еду и более не обращал на меня ни малейшего внимания.

От такого оборота я сперва растерялся, но тут же решил, что взял верх над бароном, и, довольный собой, сел за столик, где уже сидел мой друг. Мой приятель был бледен, как полотно.

– Ты, наверное, родился в рубашке, – чуть погодя сказал мне он. – Я многое слышал о Шварцкопфе. Это могущественный человек, чьё влияние распространяется даже на придворных. Я слышал даже, что он колдун, продавший душу сатане, и что погубить человека для него не труднее, чем нам с тобой съесть вот этого цыпленка. Но вот чего я не слышал, так это чтоб барон перед кем—нибудь извинялся, или прощал кому-нибудь обиды. У меня дурные предчувствия, Альберт.

– Да брось! – сказал я ему тогда. – Мы сегодня оказались сильнее его, так давай закажем лучшего вина и отпразднуем это дело!

Но мой друг только покачал головой.

Вскоре после этого состоялась королевская охота. В ней участвовало много знати, в том числе и мы с другом. Помню как сейчас тот азарт погони за дичью. Наши кони рвались вперёд, а собаки захлёбывались лаем... Охота была удачной. Мы уже возвращались, когда я заметил какое-то серебряное пятно, мелькнувшее в кустах неподалеку.

– Ты видел?! – крикнул я ехавшему рядом другу, – Серебристая лисица! Вот это удача!

– Где? – удивился он.

– Вон там движется, смотри.

– Ничего я не вижу. Ты устал, и поэтому тебе мерещится.

– Да нет же! – я рванулся вперед.

– Стой, куда ты! – закричал мне друг. – В эту сторону никто не ездит, там гиблые места.

Но мне не хотелось его слушать: погнавшись за лисой, я забыл обо всём. Отъехав уже довольно далеко, я вдруг потерял серебряное пятно из вида. Вместо него невесть откуда возникла седая старуха с растрепанными космами и палкой в руке.

– Далеко ли собрался, господин? – противным скрипучим голосом произнесла она.

– Отойди, старуха! – крикнул я и попытался её объехать, но она все время оказывалась передо мной.

– Здесь я хозяйка, – говорила ведьма. – Ты не можешь ездить в этих местах без моего разрешения! Поворачивай назад!

– Уйди, старая уродина! – я попытался оттолкнуть старуху. Её глаза превратились в узенькие щелочки, а голос стал совсем злым.

– Тебе ли говорить об уродстве, жалкий карлик, – и она ударила меня палкой так, что я упал с коня и потерял сознание.

Когда я очнулся, ни коня, ни седой ведьмы поблизости не было. Я лежал на земле. Голова болела жутко. "Что за чёрт? Что всё это значит?!" – стучало в висках. Немного придя в

себя, я поднялся и стал выбираться из леса. До города я добрался только к вечеру. Столица жила своей обычной жизнью. Фонарщики уже зажигали фонари, но улицы ещё были довольно оживленными. Вечерняя столица представляет собой великолепное зрелище, но в тот день мне было не до романтики сумерек и городских огней. Страшная усталость и дикая боль в голове заставляли думать только о том, как быстрее добраться домой.

Первым делом я подошёл к одиноко стоявшему извозчику и сказал ему свой адрес. Извозчик глянул на меня, ухмыльнулся, тронул лошадь и неспешно поехал прочь. Пораженный, я смотрел ему вслед. Если бы не мое тяжелое состояние, я бросился бы за ним, догнал и убил бы наглеца на месте. Но я не мог не только бежать, но даже быстро идти. Вздохнув, я побрел по улице в направлении дома (благо, жил не очень далеко), надеясь, что этот безумный день закончится, как только я доберусь до постели.

Но безумие продолжалось. Ватага мальчишек-оборванцев увязалась за мной. Они показывали на меня пальцем и кричали: "Карлик! Карлик!" Я оторопел. Первым моим желанием было как следует проучить этих сорванцов. Я попытался выхватить шпагу, но рука поймала пустоту. И шпаги моей не было! В отчаянии погнался я за одним из мальчишек, но у меня совсем не осталось сил. Проказник ловко увернулся и, отбежав на некоторое расстояние, продолжал тыкать в мою сторону своим грязным пальцем и орать "Карлик! Карлик!"

Я ничего не мог поделывать и, в сопровождении этой странной и обидной процессии, наконец, пришёл домой. Дверь мне открыл мой старый слуга.

– Франц, – приказал я, – приготовь поскорей мне постель и стаканчик грога. Я злой, как черт, и устал, как собака!

Франц, добрейший пожилой человек, который служил ещё моим родителям и знал меня с детства, теперь удивленно и широко улыбался.

– Ты – весёлый малый! – сказал он. – Я ценю хорошую шутку. Вот тебе монета, и отправляйся с Богом.

– Франц! – вскричал я. – Что с тобой?! Это же я, Альберт! Франц нахмурился.

– Всякой шутке есть пределы, – сказал он. – Убирайся прочь, карлик, пока я не рассердился!

Я смотрел на своего слугу и хлопал глазами. Что происходит? Старуха... Извозчик... Мальчишки... и, наконец, Франц! Я очень испугался, проскочил мимо своего слуги в дом и кинулся к зеркалу. Там, в стекле, к своему ужасу, я обнаружил уродливого карлика в грязных лохмотьях. Не сразу поняв, что он – это я, словно окаменевший, смотрел я на свое отражение, пока Франц не взял меня буквально за шиворот и не выкинул из дома.

Вновь оказавшись на улице, объятый невыразимым ужасом, я бежал по городу и кричал: "Помогите! Я – принц Альберт!" Но люди смеялись надо мной, некоторые толкали или пинали, а одна женщина вылила на меня помой из окна. Я

всё бежал и кричал, и никак не мог остановиться. Внезапно я увидел своего друга, спокойно шедшего в мою сторону, и побежал к нему.

– Постой! – закричал я. – Это я – Альберт! Послушай, меня заколдовали или что—то в этом роде, не знаю! Ты должен мне помочь!

Но друг оттолкнул меня.

– Грязный оборванец! – сурово сказал он. – Если ты и дальше будешь называть себя этим именем, я вздую тебя как следует. А если ты болен, отправляйся к лекарю!

Печально смотрел я на него, потом повернулся и пошел прочь. Кричать я перестал. Мне было так плохо, как не было никогда в жизни. Силы совсем оставили меня, я едва стоял на ногах. Но страдания физические были ничем по сравнению с душевной мукой. И вдруг я отчетливо осознал безнадежность своего положения. Если два самых близких человека – мой верный слуга и мой лучший друг – не узнали и не поверили мне, значит, никто в целом мире мне не поверит! Отчаяние охватило меня. Тот, кто ещё недавно так кичился своей персоной, теперь был полностью раздавлен, уничтожен и брёл в наступившей ночи неведомо куда.

– Мой дорогой Альберт! – услышал я вдруг и резко обернулся. Передо мной стоял Отто фон Шварцкопф собственной персоной! Барон был, как обычно, весь в чёрном, и улыбался во весь рот.

– Вы узнали меня? – я был поражен.

– Конечно! Вы, я вижу, попали в серьезную переделку. Давайте-ка пойдём ко мне.

Оказалось, мы стояли возле самого дома барона. Шварцкопф усадил меня в кресло, налил вина и сел напротив. Я пил вино, понемногу успокаивался и рассказывал барону о том, что случилось. Он слушал очень внимательно, только уже знакомая мне ухмылка иногда появлялась на его лице.

– Просто не знаю, что делать, – закончил я свой рассказ. – Вы можете мне?

– Увы, я не смогу никому доказать, что вы – это вы, – ответил Шварцкопф, – но могу предложить кое-что иное. Вы можете поехать со мной и жить в моем замке.

– Не сказал бы, что ваша идея приводит меня в восторг.

– Вот как? Вы, видимо, ещё не до конца поняли, что произошло. Ваша жизнь теперь совершенно переменится. Вы уже не тот, кем были раньше. Теперь Вы просто карлик. Без имени, без денег, без жилья, без друзей – без всего! Мой дорогой, практически Вы – никто!

От этих слов я пришёл в ужас.

– Вы, конечно, можете вернуться туда, откуда пришли – на улицу, – продолжал барон. – Там вас ждут голод, холод, крайне униженное положение бродяги и попрошайки. Устраивает?

– Об этом даже подумать страшно... Послушайте, ведь я – принц, меня будут искать...

– Искать будут принца Альберта, но не вас. Не карлика!

Вы уверены, что сможете доказать хотя бы одному человеку, что Вы и есть Альберт?

– Нет, – уныло произнес я.

– Есть ещё вариант, – продолжал Шварцкопф. – Возможно, Вам удастся устроиться во дворец на почетную должность шута.

– Шута?! Быть посмешищем для придворных, которые ходили передо мной на цыпочках и почтительно склоняли головы при моём появлении?! Нет, никогда!.. Значит, остается только одно – принять Ваше предложение.

– Разумно, – сказал барон. – Но у меня есть одно условие. Ведь вы вовсе не тот, кем были прежде, это понятно. Поэтому Вы не можете поехать со мной в качестве принца... Значит, поедете в качестве моего слуги.

– Вашего... слуги?

– Да, слуги, выполняющего все мои приказания.

– На это я не могу согласиться.

– Ну, тогда... – и Шварцкопф указал мне на дверь. Я повернулся к выходу, но представил, что меня там ждёт, и остановился. Барон был прав.

– Подумайте, – говорил мне в спину Шварцкопф. – Я предлагаю Вам еду, тепло, защиту. У Вас даже останется любимое занятие – приносить жертвы. Правда, со свободой будет неважно, но ведь та свобода, что ждёт за этой дверью, думаю, не слишком привлекает Вас.

– Хорошо! – повернулся я к нему. – Хорошо, я согласен

на всё.

– Ну, если так, – широко улыбнулся Шварцкопф, – тогда, мой новый слуга, возьми щётку и почисти мне сапоги.

Он пристально смотрел мне прямо в глаза. Некоторое время мы стояли так, потом я сломался окончательно: отвёл взгляд, взял ваксу, щётку, и стал чистить ему сапоги.

– Я буду звать тебя Ганс, улыбаясь, сказал мне тогда Шварцкопф.

В ту ночь я начистил сапоги барона до блеска и с тех пор выполнял все его приказания.

А теперь, Матильда, прошу тебя, уходи. Мне было слишком тяжело вспоминать всё это. Уходи, прошу тебя! Спокойной ночи!

На следующий день Ганс встал рано. Его разбудили солнечные лучи, проникавшие в окно его комнаты. Солнце светило ярко и замок почему-то не казался уже таким мрачным. На душе у Ганса было хорошо, и он удивился и обрадовался этому. Днём карлик отправился бродить по саду. Сад был зелёным и цветущим, в нём росли и пионы, и гладиолусы, и астры, и множество других цветов, названий которых карлик не знал. Но прекрасней всех была ярко-красная роза на высоком тонком стебле. Роза эта напомнила Гансу Матильду, и по сердцу карлика вдруг разлилось тепло. Тогда он взял нож и срезал розу, представляя, как подарит её девушке. Думая о Матильде, карлик был счастлив, но счастье его внезапно

разбил резкий окрик барона.

– Что ты тут делаешь, Ганс? Почему не работаешь? – Карлик едва успел спрятать розу под рубашку до того, как барон заметит её. Нож Ганс сунул за пояс.

– Немедленно иди к Агнете, пусть даст тебе работу! – приказал барон, – И ты не забыл, что сегодня полнолуние?

– Как... сегодня? – обомлел Карлик. Что-то внутри него оборвалось.

– Да что с тобой творится? – кричал ему хозяин. – Очнись, Ганс! Ты, верно, растерял последние мозги. Немедленно к Агнете, и чтоб всё было в порядке!

Барон резко повернулся и ушёл, а карлик остался, чувствуя, как сердце вновь покрывается чёрствой коркой. К Матильде он пришёл, только когда настало время вести её в лес.

Ганс и Матильда шли по лесу уже довольно долго, но не сказали друг другу ещё ни слова. Сумерки сгущались. Где-то ухала сова. Деревья казались карлику чудовищами, тянущими свои страшные лапы-ветви прямо к ним. Ганс первым не выдержал молчания.

– Почему ты не спрашиваешь, куда мы идем? – спросил он Матильду.

– Догадываюсь, – спокойно ответила та. Карлик остановился. Он не мог больше.

– Уходи, – сказал он девушке. Матильда посмотрела на Ганса и легкая улыбка тронула её губы.

– Не могу, – сказала она.

– Почему?

– Ну... тебя накажут, если я уйду.

– Чушь! Ты говоришь так, будто идёшь на это из-за меня.

Как будто моя жизнь чего-нибудь стоит. Вот, возьми. Это тебе, – Ганс достал розу и протянул её Матильде. – А теперь уходи.

Матильда посмотрела на цветок, оказавшийся в её руках, и лицо девушки внезапно просветлело.

– Хорошо, – неожиданно страстно сказала она, – уйдём вместе! Это шанс!

– Я?! – вскричал Ганс. – Я никуда не пойду!

– Ганс, – мягко сказала Матильда. – разве тебе хорошо в замке?

Карлик угрюмо молчал.

– Ганс, я понимаю, ты боишься, – продолжала девушка. – Но в мире тебе будет лучше, чем здесь, поверь. Люди совсем не такие плохие. Тебе помогут...

– Люди?! – возмутился карлик. – Я не видел от людей ничего хорошего с тех пор, как стал... тем, кто я есть.

– Но ведь ты же не всегда был таким. Пойми, ты не должен так жить. Тот, кем ты был, и сейчас внутри тебя, просто нужно найти его в своей душе.

– Не напоминай мне! – воскликнул Ганс. – Не напоминай о том, кем я был. О том, что были честь и слава, сила и красота, гордость и благородство. Всё это давно умерло, не осталось ничего, ничего! Я просто жалкий карлик и не более!

Оставь меня, оставь, уходи!

"И ведь ты никогда не будешь со мной, – стучало у него в голове. – Ты никогда не будешь с карликом".

Девушка пристально смотрела на карлика и качала головой.

– Жалеешь себя? – глаза Матильды гневно сверкали. – Только это и можешь. Конечно, так проще. Проще быть рабом, терпеть мучения, прислуживать злу и думать: "Ах, какой я несчастный!" вместо того, чтобы хоть что-то изменить!

– Замолчи... – начал Ганс.

– Нет, слушай! Там, на балу, мне показалось, что в тебе не угасла искра жизни, что ты еще можешь быть человеком. Но теперь я вижу – ты сам гасишь свой огонь! Что ж, карлик, оставайся, ты не достоин свободы! Ты мне...

– Противен?! – со страшной болью и обидой в голосе закричал карлик, – Жалок?! Смешон?! Ты это хотела сказать?

Матильда прикусила губу.

– Я ухожу, – она повернулась и зашагала прочь.

Внутри Ганса что-то сломалось, как будто прорвало плотину, и тёмная волна ярости накрыла его с головой. Та, которая стала для него единственной, его надеждой и счастьем, так жестоко обманула его! Душа карлика кричала от боли. Плохо сознавая, что делает, Ганс вытащил из—за пояса нож, догнал Матильду и резко ударил наотмашь. Так, как бил зеркала. Нож по рукоять вошёл в спину девушки. Карлик вытащил его: всё лезвие было в крови. Медленно, как во сне, Ма-

Матильда повернулась к Гансу. На лице её застыло удивленное выражение. Карлик увидел, что в руке она всё ещё держит розу, прижимает её к себе, а из раны на груди девушки на цветок падают тяжелые темно-красные капли. Другую руку Матильда протягивала карлику, словно просила его о чем-то... И Ганса обожгла смутная догадка, что не уходила Матильда вовсе, а лишь хотела, чтобы он пошёл за ней. Девушка стала медленно оседать и упала на землю. Глаза её закатились, и карлик понял, что она умерла.

Он стоял, оцепенев, над холодеющим телом девушки, мёртвой хваткой сжимая нож. Ганс всё смотрел на неё, как будто пытался понять, что случилось, но не мог. "Ты опять разбил зеркало!" – одна только эта мысль снова и снова приходила в голову. Так он стоял, словно в кошмарном бреду, пока тяжелый кулак Шварцкопфа не сбил его с ног.

– Что ты наделал, дурак?! – орал барон. – Зачем ты убил её?!

Ганс поднялся. Удар хозяина вывел его из оцепенения, но карлик не мог произнести ни слова. Нож он выронил.

Барон, стоя на коленях, ощупывал тело девушки, а рядом с ним стояла Агнета с перекошенным от злости лицом.

– Ладно, с тобой я потом разберусь, – говорил барон карлику. – Тебя ждёт суровое наказание, будь уверен! А теперь бери её и тащи к алтарю, да поживее. Кровь ещё не остыла, может, что и получится. Ну же, что ты стоишь, остолоп!

Карлика затрясло. Шварцкопф намеревался убить Ма-

тильду второй раз! Ганс сжал кулаки.

– В-вы не с-с-меете! – заикаясь, произнес он.

Барон удивлённо и зло взглянул на Ганса.

– Ну и иди к черту! – выругался он. – Агнета, берём девку и пошли!

Ганс понял, что ничего не сможет сделать. Он стоял, шумно и часто дыша, потом резко повернулся и побежал.

– Куда?! – взвизгнула Агнета.

Шварцкопф поднялся и выбросил вперед правую руку. Из руки вылетела молния и попала в дерево, которое мгновенно загорелось и рухнуло прямо перед карликом. Зажмурившись, Ганс проскочил сквозь огонь и побежал дальше что есть духу.

– Дьявол! – ругался барон. – Мало времени, полночь близко. Агнета, берись!

– А Ганс?! – надрывалась та.

– Чёрт с ним, пусть идет! Он вернется. Куда денется!

Карлик всё бежал и бежал, не разбирая дороги. Небо смеялось над ним. "Убийца!" – говорила луна. "Жалкий урод!" – пищали нетопыри, пролетая над его головой. "Ты всё равно вернёшься!" – кричали деревья, цепляясь ветками и корнями. Карлик падал, поднимался, снова бежал. Сердце его отчаянно колотилось, ноги подкашивались, а Ганс всё бежал и не мог остановиться.

Он не вернулся.

По шуршащему жёлто-красному ковру из опавших листьев шёл, не торопясь, карлик с вязанкой дров за спиной. Небо над его головой было синим-синим, безоблачным, а залитый солнечным светом лес сиял золотом и багрянцем, радуя взгляд.

Когда Ганс убежал из замка, была весна, а теперь стояла осень. Осень эта нравилась карлику, как никогда не нравилось в жизни ни одно время года. Эта осень была первой. Первой порой свободы, красоты и первой порой без тяжести на душе.

Карлик шёл по тропинке к одиноко стоящему среди деревьев домику лесника. Теперь это был и его дом, родной и любимый. Дойдя до двери, Ганс обернулся, оглядел ещё раз лес, полюбовавшись им, и только потом вошёл. Положив вязанку около камина, он стал разводить в нём огонь, и вскоре пламя запылало весело и жарко. Ганс уютно устроился в кресле, вытянул ноги к огню и стал наслаждаться теплом и покоем.

Давно уже остался позади тот день, когда старый лесник нашёл карлика в каком—то грязном и сыром овраге. Ганс был очень болен, его трясла лихорадка и мучил жар. Увидев лесника, карлик бросился бежать, но старик без труда догнал его и положил свои не по годам сильные руки Гансу на плечи. Карлик некоторое время бился в этих руках, как затравленный зверек, но вскоре затих, и только сердце его отчаянно колотилось.

Лесник привёл карлика домой, выходил и позволил остаться. С тех пор Ганс жил здесь и помогал старику, выполняя разнообразную работу. Лесник был добрым человеком и хорошо относился к карлику, но Ганс так и не решился рассказать ему о себе. Сказал только, что убежал от злого хозяина, но ни имени его не назвал, ни о занятиях своих с бароном не проронил ни слова.

Жизнь карлика теперь стала несравненно лучше его прежнего существования, и проклятый замок понемногу забывался. Только иногда, глубокой ночью, когда жёлтая луна заглядывала в окна, Ганс снова и снова видел во сне удивленное лицо Матильды, розу в её руках и капли крови, падающие на цветок. Тогда карлик кричал и просыпался.

Утром всё забывалось. Дневной свет не оставлял в душе места для мрака. Да и новая радость появилась в жизни Ганса – десятилетняя внучка лесника Анна. Милая и добрая, похожая на василёк в поле, она, казалось, вообще не знала, что такое зло. Ганс полюбил её всем сердцем, и она отвечала ему тем же. Сколько прекрасных часов провели они вместе! Любимой игрой Анны были жмурки, которые они с Гансом затевали на одной из лесных полян. Карлик любил, завязав девочке глаза платком, убегать от неё и смотреть, как она бежит, маленькая и хрупкая, в простом коротком платье, слушать её смех, кричать: "Я здесь!", снова убегать и, наконец, поддаваться ей. Анна хватала Ганса, снимала повязку и смеялась заливисто и звонко, и карлик уже мог улыбаться.

ся ей. А потом она завязывала ему глаза, и Ганс шёл на её смех, её голос, а радость стучалась в сердце. Казалось, что нет времени, нет прошлого и будущего, а есть одна вечность, и вечность эта светлая. Ганс ловил Анну, крепко сжимал её в своих руках, снимал повязку и долго смотрел на её улыбающееся лицо. Бывали мгновения, когда улыбка девочки напоминала ему о чем-то очень близком, но утраченном, и почему-то щемило сердце. Но радость приходила опять и легко побеждала грусть.

Однажды карлик спросил девочку:

– Где твои родители, Анна? Почему ты живешь одна в лесу, только с дедом?

Анна вдруг стала очень серьезной.

– Отца я не помню, а мама ушла и не вернулась. Она привела меня сюда, чтобы спрятать от чего-то очень злого, а сама ушла. Сказала, что мне нельзя уходить отсюда.

– Мне тоже, – пробормотал карлик. – А какой была твоя мама?

– Очень красивой, самой лучшей... Я так хочу, чтобы она вернулась, но наверное... она больше не придет... – и по щеке девочки покаталась слезинка.

Ганс обнял Анну и крепко прижал к себе.

– Она должна вернуться, – сказал тогда карлик девочке.

Никогда больше не говорили они об этом. И грусть вскоре опять ушла.

Гансу, сидящему у камина, где мирно потрескивали дро-

ва, вдруг вспомнился этот разговор. Карлик смотрел на пламя. Он любил огонь – завораживающий, манящий, и, глядя на него, забывал обо всём.

Вдруг в домик ворвалась Анна, радостная, шумная, и потащила Ганса к дверям.

– Пойдем! Пойдем же! – торопила она.

– Куда? – спрашивал удивлённый карлик.

– Увидишь! Это чудо! Я нашла чудо! – и быстро шла, почти бежала куда-то.

– Подожди, Анна! – карлик, улыбаясь пошёл за ней.

Они долго шли по лесу, наконец, Анна остановилась:

– Смотри!

Перед ними среди деревьев цвёл розовый куст. Одна единственная роза на высоком тонком стебельке. Та самая.

– Разве это не чудо?! – восторженно говорила Анна, – Здесь, в лесу – и такая красивая! Когда я смотрю на нее, мне делается так хорошо! А тебе?

Ганс не отвечал. Он смотрел на розу. Карлик узнал ее. И место карлик вдруг узнал – то самое место, где он... где он...

– Га-а-анс! – вдруг ахнула девочка. – Ты плачешь?! Почему?

– Мне... нравится эта роза, – сказал карлик. Анна, смущенная отошла.

– Здравствуй, Матильда, – тихо—тихо, одними губами, произнес Ганс, и ему показалось, что роза чуть-чуть качнулась в ответ.

Карлик и девочка вернулись в домик, где их уже ждал лесник. Он был на охоте и пришёл с добычей. Всё было хорошо. Карлик знал, что завтра будет новый светлый день.

Беда нагрянула внезапно.

Было обычное осеннее утро. Небо хмурилось. Становилось всё холоднее, и полуголые деревья уже напоминали о том, что осень скоро кончится и придёт суровая зима.

Карлик сидел, прислонившись спиной к огромному раскидистому клёну, и смотрел, как Анна собирает цветы неподалёку. Внезапно странный звук привлёк внимание Ганса. Он был похож на стук копыт приближающейся лошади. Карлик оглянулся – и правда. К нему через лес, с быстротой молнии, на огромном вороном коне нёсся всадник в чёрном. Он подъехал к карлику. Ганс вскочил, сжав кулаки. Ужас, почти забытый, нашёл его снова. Всадник этот был Шварцкопф.

– Здравствуй, Ганс, – спокойно сказал барон, не слезая с коня. – Ну, как ты тут без меня?

У карлика кровь стучала в висках, а кулаки сами сжимались так, что почти впивались в ладонь.

– Уходи! – крикнул он барону, – У тебя больше нет надомной власти!

– Ну ничего себе! – с едва заметной издёвкой произнес Шварцкопф, – Да ты стал порядочным нахалом, Ганс! Кто, как не я, помог тебе в трудную минуту? Кто, как не я. Заботился о тебе? И теперь такой прием! Быстро же ты забыва-

ешь добро, Ганс!

– Я не подчинюсь тебе! – кричал карлик, – Я теперь сильнее, чем был, смотри!

Он схватил и поднял над головой тяжелый камень, валявшийся неподалеку. Барон расхохотался.

– Ну, Ганс, нет слов! – сквозь смех говорил он.

– Ты можешь убить меня, но я не подчинюсь тебе! – выкрикивал карлик.

Шварцкопф оборвал смех. От видимого спокойствия барона не осталось и следа. Теперь в нём кипела бешеная злоба. Шварцкопф схватил Ганса за шиворот и поднял перед собой. Камень выпал из рук карлика.

– Убить?! Да, я хотел бы убить тебя, Ганс! – тихо, но яростно говорил барон. – Я хочу, чтоб ты умирал на моих глазах медленной, мучительной смертью! Ты предал меня, Ганс. Знаешь, что ты сделал? Ты лишил меня силы. Нет жертвы – нет силы! Я не мог даже выйти из замка, Ганс. Я ничего не мог! Как долго восстанавливал я силу... Случайно попавшиеся тупые бродяги были тогда моими жертвами. Ведь ты знаешь, как мало в них проку, Ганс! Немало времени прошло, прежде чем я смог выйти на настоящую охоту, прежде чем смог найти стоящую жертву. Но теперь я сильнее, чем был, и ты, Ганс, подчинишься мне!

Барон с размаху бросил карлика об землю. Ганс сильно ударился, но поднялся и твёрдо встал на ноги перед бывшим хозяином. Шварцкопф же, овладев собой после взрыва яро-

сти, спокойно произнёс:

– Как видишь, у меня есть причины наказать тебя, Ганс. Но я готов быть великодушным. Я прощу тебя, если ты вернёшься и будешь продолжать делать то, что делал. Если же откажешься... Помнишь дракона и бездну, Ганс? Это хуже смерти, можешь мне поверить.

Карлик молчал.

– Итак, Ганс, если хочешь избежать этой участи, завтра ты должен привести на алтарь жертву, – продолжал барон. Карлик опустил голову.

– Я не буду больше убивать, – произнёс он.

– Прекрати играть в добренького, Ганс, – поморщился Шварцкопф. – Скольких ты уже убил? Ты помнишь их предсмертные крики, их пронзительные взгляды? Помнишь, как они просили сжалиться над ними? И что же они получили от тебя? Смерть! Ты такой же, как я, Ганс. Твои руки по локоть в крови.

Барон пристально смотрел на карлика. Дьявольский конь Шварцкопфа переминался с ноги на ногу, ноздри его шумно раздувались, и из них выходил настоящий дым. Внезапно конь всхрапнул, рванулся, и из его рта вырвалось пламя. Барон с силой натянул поводья. Успокоив тварь, Шварцкопф сказал карлику:

– Слушай меня, Ганс. Завтра ты должен привести на алтарь Анну,

Карлик стал блее мела. Он резко повернулся в сторону

поляны. Девочка всё ещё была там. Она не смотрела в его сторону и, казалось, не слышала их разговора. Скорее всего, подумал карлик, его бывший хозяин позаботился об этом. Анна плела себе венок и выглядела счастливой и спокойной. Сердце карлика сжалось, дыхание перехватило.

– Я никогда бы не смог убить Анну, – с трудом проговорил он.

– Вот как? – презрительно бросил барон. – Смог же ты убить ее мать!

– Что?! – вскричал карлик, – Когда?!

– Когда?! – язвительно говорил барон. – В одну прекрасную ночь, в полнолуние, ты всадил её матери нож в спину. В ту самую ночь, когда ты решил предать своего хозяина. Да, да, Ганс! Анна – дочь Матильды!

– Нет! Неправда! Ты лжёшь! Нет!

– Дьявол! Разуй глаза! Посмотри на девчонку! На её лицо!

Карлик смотрел на Анну. "Не правда. Не может этого быть. Откуда у неё дочь? Матильда была такой молодой..." – думал он, уже понимая, что барон говорил ужасную, но всё же правду. Анна всегда напоминала ему Матильду, но он боялся признаться себе в этом! А лицо девочки – боже, как она похожа на мать! Это же её улыбка! Ганс чувствовал, что какая-то огромная тёмная пелена накрывает его с головой, обволакивает, проникает в душу... А душа кричит, но никто не слышит...

– Слушай меня, Ганс, – вновь властно произнес барон. –

Так или иначе, девчонка будет убита. Ты ничего не сможешь сделать. Противостоять мне? Смешно! Бежать? Теперь от меня не убежишь! Не приведешь Анну – обойдусь без тебя. Но ты уже будешь вместе с ней на алтаре. Приведешь – останешься жив и всё будет, как прежде. Выбора у тебя нет, Ганс. Завтра в полдень Анна должна быть принесена в жертву. Делай свое дело!

– Почему в полдень? – тихо спросил карлик.

– Почему в полдень? Потому что теперь мне не мешает свет! Сила моя велика! Я бросаю вызов Солнцу! Я бросаю вызов всем и вся! Это моя победа, Ганс, вот так! – и Шварцкопф, пришпорив коня, круто повернулся и поскакал прочь.

Карлик смотрел ему вслед: там, где проезжал барон, деревья становились голыми и чёрными, словно обугливались; копыта дьявольского коня оставляли на земле глубокие дымящиеся следы. Такого раньше не было.

Огромная туча закрыла солнце. Налетел ветер. Он сорвал с дерева желтый кленовый листок, и тот стал падать, медленно кружась в воздухе. Карлик подставил ладонь. Лист упал в нее. Ганс немного посмотрел на него, закрыл глаза и с силой сжал лист в кулаке. Начался дождь.

Вечером Ганс и лесник сидели у камина. Девочка мирно спала в своей кровати, лесник, сидя в кресле, курил трубку, а Ганс, не отрываясь, смотрел на мелькающие язычки пламени в камине.

– Что-нибудь случилось, Ганс? – вдруг спросил старик. –
Что-то случилось, я вижу это по твоему лицу.

Ганс немного помолчал, потом сказал:

– Ты никогда не говорил о том, откуда у тебя Анна. Расскажи.

Лесник внимательно посмотрел на карлика.

– Хорошо, – сказал он, – слушай. Этой весной было дело. Анну ко мне привела её мать, Матильда. Я знал Матильду с самого детства. Была она девочкой озорной, весёлой, как Анна сейчас. А выросла – такой красавицей стала! Только вот родители её рано умерли, трудно ей приходилось. А потом один господин знатный взял и увёз Матильду. Вернулась она скоро. С дочкой – это Анна и была. Осуждали, конечно, тогда Матильду в деревне, косо посматривали. Я не судил. Да только Матильде всё это было как комариный писк: гордая она была. А ко мне Матильда часто приходила. Нравилось ей здесь. Потом стала дочку приводить. А однажды пришла и сказала мне: "Я должна уйти. Пусть Анна у тебя поживет, пока я не вернусь. Или... Или как сам знаешь. Прошу, не отпускай Анну никуда от себя, береги как свою. Никто не должен знать, что она здесь". "Куда ты уходишь?" – спросил я, а она отвечала: "Не знаю... Может быть, в самый ад". Я думаю, она уже знала, что не вернётся. Матильда Анну сберечь хотела от зла какого-то. Надеялась, что если оно получит мать, так хоть про дочь забудет. Да, видимо, ошиблась. Девочке угрожает опасность, так ведь? Что же ты молчишь, Ганс?

Утром следующего дня карлик сказал Анне:

– Осень кончается. В лесу наша роза скоро погибнет от холода. Я возьму её домой, пусть она ещё немного постоит.

– Ты хорошо всё придумал, Ганс, – ответила ему девочка.

И они вместе пошли к розе.

Она была всё так же прекрасна среди увядающего леса. Роза слегка покачивалась от ветра, и, когда карлик и девочка подошли к ней, им показалось, что она кланяется, будто приветствует их. Ганс вытащил из-за пояса нож, срезал цветок и сунул его за пазуху. Потом он, не говоря ни слова, решительно зашагал вглубь леса.

– Куда ты, Ганс? – крикнула Анна и быстро побежала за ним. – Куда мы идем? – спросила она, догнав карлика.

– В одно место... Ты увидишь, – ответил Ганс, не глядя на Анну.

Карлик шёл быстро, девочка едва успевала за ним. Ветер безжалостно срывал шелестящие листья с деревьев, и они, кружась, падали вокруг Ганса и Анны. Дорога была слишком знакома карлику, и он старался побыстрее дойти до проклятого места.

Вот и оно. Всё та же пентаграмма на земле, всё те же свечи и помост с цепями. Ганс прислонил Анну к плите и, взяв лежавший тут же молот, стал приковывать девочку.

– Что ты делаешь, Ганс? – взволнованно спросила Анна, – Это что – новая игра?

– Всё будет хорошо. Верь мне, – сказал ей карлик.

Приковав Анну, он сел около помоста и стал ждать.

– Ганс, мне здесь не нравится, – говорила девочка, давай уйдем отсюда!

– Потерпи, Анна, уже скоро, отвечал карлик.

Ждать и правда пришлось недолго. Солнце почти достигло зенита, когда появились Шварцкопф и Агнета.

– Я рад, что не ошибся в тебе, Ганс, – сказал барон, – ну что ж, начнём.

Он стал зажигать свечи. Агнета стояла в стороне. Карлик сидел.

– Ганс, что это? Кто эти люди?! – воскликнула Анна, – Мне страшно! Ганс, миленький, что же это?

Шварцкопф захохотал.

– Оказывается, ты можешь быть миленьким, Ганс, – сквозь смех говорил он. – Это славно! Ты знаешь, девочка, кто такой Ганс? Многих людей он привёл сюда, как тебя, на погибель! И мать твою он тоже сюда вёл, да не довёл. Убил по дороге! Таков твой миленький Ганс, ха-ха! Славно повеселили вы меня!

Анна широко распахнутыми от удивления и ужаса глазами смотрела на карлика.

– Ведь это всё не правда, скажи, Ганс! – просила она.

Карлик опустил голову.

– Прости меня, Анна, – тихо произнёс он.

– Ну, хватит! – перестал смеяться барон. – Солнце почти в

зените. Время пришло! Эй, ты! Светящийся блин! – крикнул он, задрав голову, – видишь, я начинаю!

И Шварцкопф, раскинув руки, начал читать заклинания. Снова поднялся сильный ветер, заколыхал пламя свечей, из-под земли стал доноситься гул. Барон произносил слова всё более страстно, Агнета тяжёлым взглядом смотрела в центр пентаграммы, а маленькая Анна, глядя на всё это, цепене-ла от ужаса. Появилась и стала расширяться дыра в середине дьявольского пятиугольника. Гул становился всё громче. Приближался дракон.

"Пора" – решил Ганс. Он подошёл к заранее приготовленному им огромному камню, поднял его и встал за спиной барона.

Шварцкопф, почувствовав это, прекратил читать заклинания и резко обернулся. Он увидел неподвижно стоящего перед ним карлика, его холодный уверенный взгляд и камень в его руках. В ту же секунду камень полетел в барона. Шварцкопф не успел увернуться. Камень поразил его. Барон потерял равновесие и упал в бездну. Карлик заглянул туда и увидел в грязно-желтой мути стремительно уменьшающуюся в размерах чёрную фигурку барона. Падая, Шварцкопф ещё не мог полностью поверить в произошедшее. Ему казалось нелепым, что вот так вдруг настал его конец, но навстречу ему поднимался ужасный дракон. Поначалу рвавшееся наверх чудовище проскочило мимо падающего барона, но оно уже решило его участь. Показавшаяся в отверстии серо-зеле-

ная голова дракона лишь на миг поднялась над землей и тут же снова скрылась. Тварь настигла барона. Раздался пронзительный вопль, который вскоре затих, и отверстие начало закрываться.

Ганс перевёл взгляд на застывшую как статуя девочку.

– Беги, Анна! – изо всех сил закричал он ей, – Беги!

Анна рванулась – и цепи спали с неё! Ганс заколотил штыри в дерево так, чтобы их можно было легко вытащить.

– Беги, Анна! – кричал карлик.

Девочка повернулась и побежала. Вдруг ужасная боль пронзила тело Ганса. Он обернулся. Перед ним стояла, трясущаяся от злости, Агнета. В её руках был хлыст. Но какой хлыст! Он извивался и шипел, а на конце его была змеиная голова. С зубов змеи стекала тёмная жидкость. Чёрное колдовство и злоба Агнеты создали это жало. Вновь взвился хлыст над карликом, и Ганса пронзила страшная боль. Он почувствовал, как тело холодеет и яд разливается по жилам. Тогда карлик достал розу.

– Помоги мне, Матильда, – прошептал он ей, – помоги уничтожить зло.

Роза в руках карлика вдруг засветилась каким-то странным чудесным светом, будто вспыхнула красным пламенем. Ганс ощутил необыкновенный прилив сил. Снова положив цветок за пазуху, ближе к сердцу, он бросился на Агнету. Руки карлика мёртвой хваткой сомкнулись на горле ведьмы. Она боролась недолго, её предсмертные хрипы затих-

ли, и Ганс почувствовал, как руки его погружаются в какую-то вязкую жижу. Тело мертвой Агнеты стремительно начало гнить. Тёмно-коричневая зловонная жижа, оставшаяся от ведьмы, ушла в землю, и не осталось ничего.

Ганс один стоял посреди поляны. Силы покидали его. Яд действовал. Карлик понял, что умирает. Он ещё смог дойти до ближайшего дерева и сесть, прислонившись к нему спиной. Слабеющими руками Ганс достал розу и прижал её к груди.

– Ты ведь простила меня, Матильда? Я прощён? – спросил карлик.

Роза ему в ответ вновь засветилась ослепительно ярким светом, и волшебство окутало их.

Когда Анна и лесник прибежали на поляну, они никого не нашли, лишь пентаграмма с чёрными свечами и деревянным помостом напоминали о недавно царившем здесь зле.

А в это время по залитому солнцем золотому лесу шли двое. Матильда, молодая и прекрасная, в своём простом красном платье, легко ступала по опавшей листве. Рядом шёл принц Альберт, красивый и сильный, и что-то увлечённо говорил ей. Вдруг он поднял ворох опавших листьев и подбросил их над головой девушки. Листья пролились шуршащим дождем. Матильда смеялась.

Так шли они, весёлые и счастливые, одни во всем мире, и только летел за ними не захотевший падать и подхваченный ветром жёлтый кленовый листок, да неподалёку седая стару-

ха с растрёпанными волосами, опираясь на палку, неспешно
брела куда-то.